

Павленко Игорь Васильевич

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Государственного ВУЗ
«Национальный горный университет»*

ТЕЗИСЫ К АНТРОПОЛОГИИ НЕУДАЧНИКА

Многие люди хотят добиться успеха и прилагают значительные усилия, чтобы реализоваться в том или ином деле. Но кто сознательно готовит себя к поражению, кто занимается чем-либо, заранее зная, что обречен на провал? Готовы ли мы отстаивать заведомо проигрышную позицию? Едва ли. Но разве травмы и ранения, получаемые в спорте или на войне не делают людей более стойкими, способными терпеть физические и моральные страдания и, в конечном счете, приближают их к победе. Разве большинство достижений, которыми гордится любой народ, не были связаны с напряжением всех его сил, болью, потерями и лишениями, без которых победа имеет совсем иной вкус.

Солдат, водрузивший знамя на крепостной стене и потому вошедший в историю, безусловно больше похож на счастливчика, чем сотни его товарищей, лежащих под этой же стеной. Так может вопрос лишь в том, какую личную цену мы готовы заплатить за свой или чей-то успех?

Неудачник – существо двойственное. С одной стороны, он выглядит пассивным, расстроенным, вечно оправдывающимся. С другой, за свою неуспешность он платит самую высокую личную цену, ведь для того чтобы стать статистической величиной в сводке потерь, необходима жертва, шаг вперед, если угодно, вызов судьбе и неудачники всех времен и народов делали это (один Эдип чего стоит!).

В определенном отношении, весь род человеческий – это раса неудачников и проигравших. Любой наш триумф оплачен значительными потерями, которые не могут быть оправданы текущими или долгосрочными выгодами. Следует лучше присмотреться к неудачнику, ибо именно он – доминирующий антропологический тип.

Наша повседневная жизнь, экономика, культура, общественные институты построены таким образом, что проигравшие нужны здесь как воздух, как питательная среда для производства нескольких успешных личностей. По иронии судьбы, именно эти успешные часто выглядят так, будто летят в самолете, который сейчас разобьется. Их преследует постоянный страх, подозрительность и беспокойство о пустяках. Напротив, нет более умиротворенного человека, чем настоящий, уверенный в себе неудачник.

Такого субъекта трудно чем-либо удивить или испугать, он готов ко всему, к любым неприятностям, он – подлинный герой нашей эпохи.

Количество неудачников в любом сообществе прямо пропорционально экономическому и культурному росту, т.е. процветающий социум как раз и создает тот человеческий тип, о котором идет речь. Чем больше людей участвует в гонках, тем больше шансов проиграть у каждого из участников. Лишь одиночество гарантирует победу, особенно там, где “победа” – не более, чем метафора.

Поистине, проигравший реализует даосский идеал, он превращается в ничто, в дуновение ветра, в исчезающе малую величину, но именно так он становится Всем в своем причудливом, опрокинутом мире. Он принимает ответственность за удачи и победы счастливых, только неудачник делает эти победы настоящими и хоть как-то их оправдывает. Как часто бывает, здесь действуют разнонаправленные силы: все по отдельности стремятся к одной цели, толпятся, толкаются, сбивают друг друга с ног, но вместе движутся в направлении, обратном желаемому. Возможно, первым действительно выигравшим окажется тот, кто просто выйдет из этой свалки.

Настоящий неудачник – это явно не человек из “здесь и теперь” или “там и тогда”, скорее он из “езде и всегда” или, еще вернее, из “нигде и никогда”.

Готовность нести ношу неудачника – это в то же время способность принять собственную свободу и действовать в условиях отсутствия привычных правил игры и стереотипов, навязанных агрессивной (причем, всегда агрессивной) социальной средой. Ведь в конце концов, даже аутсайдеры становятся доминирующим типом и начинают диктовать свою волю, превращаясь тем самым в сообщество лидеров. И тогда вновь встает вопрос о свободе, о том, как избежать желанного успеха и выпасть из круга противостояния и борьбы. Следуя известному анекдоту, настоящий неудачник не должен побеждать в финале конкурса неудачников, хотя в любом случае он создает вокруг себя ситуацию парадокса и чем более чистым является описываемый здесь тип, тем более он парадоксален. Уже само его существование является противоречивым, поскольку “идеальный” неудачник не должен был вовсе появляться на свет.

В массовом сознании экономическое, социальное и культурное процветание едва ли не автоматически продуцирует человеческую свободу, при условии, что последняя понимается как способность к неограниченному использованию и поглощению разнообразных объектов, тел, впечатлений, иллюзий. В перспективе все сводится к одной фундаментальной иллюзии, что потребляемое – это и есть мы сами, – человеческий мир, распадающийся на бесчисленные акты автофагии. Полагают, что обладание этим миром – благо, потеря такого обладания – зло. Выпадение за рамки обладания и поглощения

доступно далеко не каждому, но именно это выпадение и можно назвать настоящей удачей. Но как пережить подобную удачу, не превращается ли ничем не обладающий человек в ничто, в пустоту? Одна известная доктрина полагает, что такое превращение должно быть целью всякого разумного существа, стремящегося к успеху, ибо только несуществование поистине неуязвимо.

Полностью состоявшийся неудачник не использует оправданий и не имеет иллюзий относительно своей миссии, он спокоен, хладнокровен и удовлетворен. Он не без оснований полагает, что лишь ему известна истина бытия, если последнее таковой вообще обладает. Проигравший – это единственный человек, который способен принять и реализовать присутствие, причем, именно своим собственным не-присутствием, своей невовлеченностью в событийность, историчность и социальность. С этой точки зрения, проигрыш и неудача, потеря и опоздание – есть то, к чему должен стремиться каждый человек. В свою очередь, выигрыш, победа, достижение, т.е. все, что делает нас слабее – это испытание нашей стойкости, которое следует достойно пережить. Нас унижает удача, наш успех убивает все, что нам дорого, ничто не гарантирует существования процветающего субъекта. Только поражение раскрывает человеку его подлинность. Лишь ставка на аутсайдера в этих бесконечных, давно опостылевших гонках, способна придать им хоть какой-нибудь смысл.

Кримець Л.В.

Кандидат філософських наук, доцент

Військова академія м. Одеса

СОЦІАЛЬНЕ УПРАВЛІННЯ В УМОВАХ ПОСТМОДЕРНУ

Світ ХХІ ст. на перший погляд здається таємничим і незвіданим, проте постмодерністський хаос фрагментарних осколків смислів і логічних схем проявляє деяку примітивну впорядкованість, нав'язує себе всім сучасним суспільствам під ім'ям глобалізації. Які ж загальні властивості більшості глобалістських концепцій?

1. Всеосяжність і комплексність змін.

Перш за все, теорія глобалізації підкреслює, що головний акцент має бути зроблений не на розгляді окремих «траєкторій» соціокультурних змін в тих чи інших сферах, а на взаємодії цих змін між собою, їх переплетенні і взаємодоповненні

2. Протиставлення глобального і локального в галузі культури.